

Ту Фэй:

— Я хочу пойти в школу. Как думаешь, мне начать с первого класса или сразу пойти в среднюю?

— Пфф! — Вэнь Гули так удивился, что поперхнулся, и рис вылетел из его рта прямо в лицо Ту Фэю.

Ту Фэй, получив порцию риса в лицо, разозлился:

— Брат!! Да ты хоть серьезно!?! Зачем ты плешь мне в лицо?

Вэнь Гули, смеясь, вытер рот салфеткой:

— Я думаю, что самый несерьезный человек здесь — это ты. Ты только что сказал, что хочешь пойти в школу. Зачем тебе это? Тебе что, не хватает еды или одежды? Ты в таком возрасте, как ты будешь успевать за программой?

Ту Фэй надул губы:

— Но я хочу учиться! После того как я сюда приехал, я глубоко осознал, что без образования — это страшно. Ничего не знаешь, и все смеются над тобой. Я хочу получить хоть какое-то образование. Я не могу оставаться неграмотным. Я даже своего имени написать не умею. Как думаешь, если люди увидят, они не будут смеяться надо мной?

— Кто посмеет смеяться над тобой, скажи мне, я его одним ударом убью.

Су Чжиэнь, видя, что он снова готов к насилию, взял его за руку и предупреждающе посмотрел на него.

Ту Фэй хочет учиться — это хорошо, и его следует поощрять.

Су Чжиэнь сказал Ту Фэю:

— Всё в порядке, Ту Фэй. Желание учиться — это хорошее дело. Я могу найти тебе школу. Рядом с нами есть начальная школа. Раз ты даже своего имени написать не умеешь, я думаю, тебе стоит начать с начальной школы. Постепенно ты всему научишься.

Вэнь Гули тоже согласился:

— Я думаю, мой муж прав. Ты должен пойти в школу. Не требуется, чтобы ты учил какие-то сложные знания, но хотя бы имя писать научись. Иначе, если ты кого-то побьешь, тебя заберут в полицию, заставят подписать протокол, а ты не сможешь — будет позор.

Ту Фэй опешил.

Су Чжиэнь тоже промолчал.

Он засунул ему в рот кусок овоща:

— Заткнись уже.

...

Цай Сяохун и Су Юцянь после двух дней езды на поезде наконец прибыли в большой город Бэйхуа. Цай Сяохун, выйдя из поезда, увидела вокзал и пейзажи за его пределами, и у неё закружилась голова. Она была похожа на бабушку Лю, впервые попавшую в Большой сад — её поразили величественные здания.

Всю свою жизнь она провела в деревне, где больше всего видела глиняные дома. Где ей было видеть такие небоскрёбы? Это было так красиво, что у неё глаза разбегались, а рот открывался от удивления.

Су Юцянь держал в руке бумажку с адресом, которую ему оставил Чжу Ли при последней встрече. На ней был указан адрес их дома, поэтому они наняли мотоцикла, чтобы добраться туда.

Спросив цену у водителя мотоцикла, тот, держа во рту сигарету, сказал:

— Два юаня. Поедете или нет?

Цай Сяохун от таких слов потеряла дар речи и вспыхнула, как рыночная торговка:

— Ты что, грабишь? Два юаня до такого места? Так близко, и ты просишь два юаня? Два с половиной, может быть, ещё куда ни шло, а то два юаня... Зачем столько? Два юаня — это куча денег! Я дам тебе пятьдесят центов. Поедешь за пятьдесят центов? Не поедешь — и ладно.

Цай Сяохун повела себя так, словно всё ещё была в деревне, думая, что здесь такие же низкие цены и что торговаться можно везде. Услышав это, водитель разозлился и бросил окурки сигареты ей под ноги:

— Катись отсюда! Ты что, думаешь, это деревня, где за пятьдесят центов можно куда-то доехать?

Цай Сяохун, обладая взрывным характером, очень не понравилось такое отношение. Не поедет — так не поедет, она не собирается быть душой и платить два юаня.

Су Юцянь был в полном замешательстве от этой женщины. До чего же упёртая, до сих пор торгуется.

Цай Сяохун с уверенным видом сказала:

— Не смотри на меня так. Ты не видишь разве, это же два юаня! Два юаня — это деньги! Лучше сохраним их. Это место и не так далеко, мы дойдём пешком. Эти два юаня лучше оставим на еду. Не дай себя обмануть. Он просто считает тебя дураком, вот и пытается обмануть.

Су Юцянь чувствовал себя совершенно измотанным. Он не знал, как объяснить этой женщине, что экономить нужно уместно, а в большом городе, где они ни кого не знают, не найти этих мотоциклистов, а если сами пойдут и заблудятся — что тогда?

— Это же всего два юаня. Зачем их экономить? Большой город — это не наша деревня.

Цай Сяохун, услышав это, упёрла руки в бока и посмотрела на него с насмешкой:

— Су Юцянь, послушай свой тон! Человек не знающий, подумает, что ты из богатой семьи. Два юаня — это не деньги? Ты что, свинья? Такой тупой? Это же всего ничего! Мы можем спросить дорогу у прохожих и дойти пешком. Они просто видят, что вы приезжий, и держат вас за

дурачка. Не знаю, что у тебя в голове, как я только с тобой терплю. Быстрее пошли, если у тебя есть деньги, то у меня их нет. Если есть лишние, лучше дай сыну в школе, чтобы его не унижали.

Су Юцянь почувствовал, что эта женщина полностью опозорила его, но ничего не оставалось, как пойти за ней.

Они не знали дороги и шли под палящим солнцем. По телам стекал пот, они вытирали его рукавами.

Они были уставшими и измученными жаждой, принесённая с собой вода закончилась, а покупать новую было жалко — стоило несколько центов за бутылку. Поэтому они шли, мучаясь от жажды, не зная, где находится место. Спрашивали у людей, те указывали дорогу, но говорили, что идти придётся часа два-три.

Это было слишком далеко.

Цай Сяохун подумала, что два часа ходьбы ради экономии двух юаней — это не так уж много, и потянула Су Юцяня, чтобы шли быстрее.

Голодные, уставшие и томимые жаждой, они шли более двух часов и наконец добрались до ворот дома семьи Чжу.

Увидев роскошный особняк, Цай Сяохун удивилась до глубины души. Сколько там этажей? Три или четыре? Такой огромный дом, и комнаты такие большие! Снаружи всё выглядит так впечатляюще, словно дом за границей. Это слишком роскошно, так много денег! Дом такой большой, в их всей деревне такого, наверное, нет.

Цай Сяохун сглотнула, потрясённая увиденным, и дернула Су Юцяня за руку:

— Отец ребёнка, ты уверен, что не ошибся адресом? Это точно тот дом? Он слишком большой, такой роскошный и богатый. Твоя сестра тогда что, водой в голове набилась? Выйдя замуж за такого богача, она позволила себя выгнать? Если бы я была на её месте, я бы ни за что не ушла, держалась бы из последних сил, и никто бы меня не прогнал. А её прогнали. Просто расточительство! Если бы она осталась там, она могла бы помочь нам, мы жили бы в роскоши, ели бы вкусную еду. Подумай только, сколько денег у тех, кто живёт в таком доме. Нам бы не пришлось так бедно жить в деревне.

Говоря это, Цай Сяохун чувствовала несправедливость и с презрением добавила:

— И твоя сестра тоже была не подарок. Выйдя так удачно замуж, она не сказала тебе ни слова, чтобы ты не жил в бедности в деревне. Не зря она рано умерла. Это карма. У неё чёрное сердце, плохой характер, поэтому и умерла рано — всё воздалось ей. Если бы она сказала нам пораньше, мы бы её поддержали. Неудивительно, что у неё такой сын, раз мать бессердечная — значит и сын такой же. Какова мать, таков и сын.

Су Юцянь, услышав это, поспешно шлёпнул её по руке, чтобы она замолчала:

— Ты же наберись хоть немного совести! Моя сестра уже умерла, чего ты вячишь? Заткнись. Когда войдёшь, веди себя прилично, не создавай проблем. Мы пришли за сыном, так что держи язык за зубами и не злись на людей.

Цай Сяохун надулась, неохотно потянула его за собой:

— Тогда быстрее ступай. Мы-то можем подождать, а сынок, наверное, уже не может дожидаться. В тюрьме он сидел так долго, наверняка там невмоготу.

Они направились внутрь, но у ворот их остановил охранник:

— Кто вы? Посторонним вход воспрещён.

<http://bllate.org/book/17683/1649231>